

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №20 (218)

Научно - практический семинар
«Экономическая безопасность АТР и будущее
Тихоокеанской России»

Круглый стол № 2:
«Энергетическая безопасность стран
Северо-Восточной Азии»

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР и подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaeife.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Содержание

Открытие круглого стола.....	4
Выступления	
Севастьянов С.В. (<i>д-р полит. н., проф. каф. мировой экономики ВГУЭС</i>) Основные вызовы на пути обеспечения энергетической безопасности Северо-Восточной Азии. Роль России в энергетическом балансе СВА.....	4
Кожевников А.Е. (<i>к. и н., декан факультета китаеведения Восточного института ДВФУ</i>) Проблемы энергетической безопасности в Китае.....	22
Мишин В.Ю. (<i>заведующий Центром региональной Безопасности Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН</i>) Энергетическая безопасность Республики Корея.....	29
Мозговой И.В. (<i>аспирант Центра внешней политики и международных отношений Японии Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН</i>) Энергетическая безопасность Японии: проблемы и подходы к их решению.....	32
Дискуссия.....	38

В рамках научно-практического семинара «Экономическая безопасность АТР и будущее Тихоокеанской России», организованного Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 16 июня 2011 г., состоялся «круглый стол» по теме «Энергетическая безопасность стран Северо-Восточной Азии».

В обсуждении приняли участие учёные ИИАЭ ДВО РАН, преподаватели ведущих вузов Владивостока (ДВФУ, ВГУЭС, ТОВМИ, ТГЭУ), представители государственной власти, консульств и бизнес-структур Дальнего Востока. Модератором «круглого стола» выступил д-р. и. н., проф., директор ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Ларин. Мероприятие открылось докладом об общих проблемах энергетической безопасности СВА.

Севастьянов С.В.

д-р полит. н., проф. каф. мировой экономики ВГУЭС

Основные вызовы на пути обеспечения энергетической безопасности Северо-Восточной Азии. Роль России в энергетическом балансе СВА.

В начале выступления уместно прояснить два базовых понятия: что представляет собой Северо-Восточная Азия (СВА) как регион и что подразумевается под региональной энергетической безопасностью.

Вопрос о том, какие страны и регионы входят в СВА, уже обсуждался на предыдущем семинаре. Тем не менее хочу уточнить видение проблемы, откалиброванное под тематику сегодняшнего семинара. Я разделяю классическую, академическую позицию, в соответствии с которой в СВА входят: КНР, Япония, РК, КНДР, Монголия и Дальний Восток России. В то же время в силу различий геополитических интересов и экономических тенденций границы Северо-Восточной Азии (как и многих других регионов) достаточно подвижны. Так, обсуждая энергетическую проблематику, эксперты обычно расширяют границы российской территории в СВА за счёт включения Восточной Сибири (то есть речь, по сути, идёт о Тихоокеанской России).

Из перечисленных стран СВА наиболее значимую роль в энергетике региона играют четыре: Китай, Россия, Япония и РК. О них в основном и пойдёт речь в данном выступлении. На периферии ключевых процессов в энергетической сфере остались Монголия (под давлением Пекина Москва согласилась исключить территорию Монголию при прокладке нефтепроводов и газопроводов из России в Китай) и КНДР (в силу специфики режима Ким Чен Ира сотрудничество с этой страной трудно реализуемо). Более того, нерешённость проблем безопасности на Корейском полуострове блокирует практическое выполнение многолетних международных проектов прокладки через её территорию газопроводов, высоковольтных энергетических линий и других объектов инфраструктуры, что препятствует реализации интересов РФ в СВА. Наконец, в региональном энергетическом «уравнении» есть и внешние «игроки». В этом качестве традиционно выступают США, а с недавнего времени к ним следует добавлять Индию, проявляющую серьёзный интерес к энергетическим ресурсам региона.

Теперь о понятии энергетической безопасности СВА. Под ним подразумевается возможность обеспечить стабильные, долгосрочные, обоснованные по ценам и достаточные по объёмам поставки энергетических ресурсов в страны региона. Реализация таких поставок — ключевое условие продолжения экономического роста СВА (по темпам роста она опережает другие регионы мира). И наоборот, недостаток ресурсов затормозит социально-экономическое развитие региона и сформирует у стран чувство энергетической уязвимости, способное вызвать нездоровую конкуренцию за ресурсы и усиление политической напряжённости, что, в свою очередь, препятствует налаживанию многостороннего сотрудничества в энергетической сфере.

В этом контексте очень важную роль играет Россия — единственная страна СВА, обладающая большими объёмами разнообразных энергетических ресурсов, достаточных для удовлетворения значительной части энергетического импорта остальных стран региона. Выступая в роли крупного и надёжного поставщика энергетических ресурсов, РФ способна внести весомый вклад в энергетическую безопасность СВА. При этом немаловажно, что реализация этих проектов способствует социально-

экономическому развитию и Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока (РДВ). Особый интерес импортёров вызывает российский природный газ, так как его использование вызывает меньше экологических проблем, чем употребление угля и нефти. Страны СВА могли бы качественно улучшить региональный энергетический баланс за счёт существенного увеличения объёмов экспорта российского газа.

В то же время, для понимания сложностей в налаживании энергетического сотрудничества в СВА важно прояснить существенную разницу в подходах к понятию энергетической безопасности со стороны России (в первую очередь она сфокусирована на *гарантированном обеспечении спроса на ресурсы*) и тем, как рассматривают её Китай, Япония, РК и США (главное для них — *гарантированное обеспечение поставок ресурсов*). То есть интересы России и остальных участников энергетического сотрудничества в СВА совпадают не во всём.

Уместно напомнить, что во время второго президентского срока (2004—2008) Владимир Путин сформулировал так называемую Новую Энергетическую Политику (НЭП). Среди наиболее важных её постулатов следует выделить следующие: *диверсификация рынка поставок энергетических ресурсов, сохранение суверенного контроля Москвы при принятии решений по вопросам добычи и транспортировки нефти и газа, регулирование доступа иностранных компаний к этим ресурсам*. Наконец, с целью снижения воздействия резких скачков цен на нефть и газ, в соответствии с НЭП, Россия выражает готовность инвестировать в международные инфраструктурные проекты в энергетике только в том случае, если страны-импортёры согласятся подписать долговременные (на 20-30 лет) контракты по поставкам ресурсов.

Диверсификацию энергетических рынков планируется обеспечить за счёт существенного увеличения объёмов российского экспорта в Азию. Так, в июле 2006 г. В. Путин заявил, что в течение пятнадцати лет доля Азии в российском энергетическом экспорте вырастет с нынешних 3 % до 30 %. Это означает, что к 2020 г. Россия должна быть способна ежегодно

экспортировать в Азию не менее 60 млн т нефти и 65 млрд куб. м газа.¹ Некоторые российские эксперты считают, что для достижения столь амбициозной цели в стране отсутствует экономическая база. Они полагают, что к 2020 г. максимальная доля Азии в российском экспорте может составить 15 % и в этом случае к 2020 г. Россия будет ежегодно экспортировать в Азию порядка 40 млн т нефти и 40 млрд куб. м газа.² Ближайшие годы покажут, кто окажется прав в этом заочном споре.

В странах региона растёт беспокойство о том, что нехватка энергетических ресурсов ограничит его социально-экономическое развитие. В настоящее время энергетической безопасности США угрожает совокупное воздействие целой группы негативных тенденций:

- быстрый рост спроса на энергию (особенно в Китае, где ожидается, что к 2020 г. потребление нефти вырастет в два раза, а газа — в четыре раза);
- высокая степень зависимости от нефти (Япония – 47 %, РК – 46 % от общего энергетического баланса страны) как от вида топлива в целом и от её поставок из региона Ближнего Востока в частности,³
- высокая зависимость Китая от угля (67 % в общем энергетическом балансе).

Далее рассмотрим страновые энергетические балансы и прогнозы на 2020 г. В Китае основным источником энергии в стране до 2020 г. останется уголь (но его доля упадёт с нынешних 67 до 60 %), потребление нефти будет удерживаться на нынешнем уровне порядка 25 % (в мире уже недостаточно приемлемых по цене возможностей для его наращивания), при этом ожидается существенный рост доли природного газа в энергетическом балансе (с 5 % до 7-8 %). Опережающими темпами будет развиваться и ядерная энергетика, хотя её доля в общем балансе будет оставаться небольшой.

¹ Путин, В. (2006). Отчёт о третьей встрече Президента РФ В. Путина с членами международного дискуссионного клуба «Валдай» 09 сентября 2006, Москва. (<http://www.kremlin.ru>).

² Милов, В. (2006). Отчёт о встрече членов международного дискуссионного клуба «Валдай» с российскими экспертами 06 сентября 2006, Ханты-Мансийск. (<http://www.lenta.ru>)

³ Зависимость от нефти с Ближнего Востока составляет: для Японии - 88%, РК - 82%, Китая - 45%.

В Японии, в силу ряда объективных причин, совокупный объём потребляемой энергии будет снижаться. Сегодня главную роль в энергетическом балансе страны играет нефть (47 %). Доля угля – 23 %, газа – 14 %, атомной энергии – 14 %. В перспективе нефть останется главным источником, но её доля будет постепенно уменьшаться. Вдвое возрастёт доля природного газа: с 14 % до 27-28 %.

Современный энергетический баланс РК практически идентичен японскому: нефть – те же 47 %, уголь – 24 %, газ – 13 %, атомная энергия – 15 % (различия по каждому из компонентов не более 1 %). Но в перспективах развития энергетики этих стран есть существенная разница. В отличие от Японии, объём потребляемой энергии в РК в ближайшие 10-15 лет будет расти, но, безусловно, не такими высокими темпами, как в Китае. При этом он будет определяться главным образом наращиванием закупок сжиженного природного газа (СПГ) и ускоренным развитием атомной энергетики. Из особенностей энергетического рынка США важно отметить следующие.

1. В нефтяной и газовой отраслях возрастает роль национальных государственных (а не частных) нефтегазовых компаний, что постепенно уменьшает доминирование таких гигантов, как Exxon Mobil, BP, Total, Royal Dutch Shell. Это, в свою очередь, сильно политизирует взаимоотношения участников рынка, которые выстраиваются с учётом стратегического характера межгосударственных связей. Такие страны, как Китай, Индия, Япония, РК, Россия, активно субсидируют деятельность своих государственных нефтегазовых компаний (далее — ГНК), которые вкладывают колоссальные финансовые ресурсы в приобретение и разработку новых газовых и нефтяных месторождений за границей. Таким путём эти государства страхуются от возможных рисков в области национальной энергетической безопасности.

2. Главной силой в реализации подобных стратегий выступает Пекин, политика которого будет определять энергетическое положение в регионе в будущем. Согласно прогнозам, уровень энергопотребления Китая к 2020 г. в совокупных показателях стран США вырастет с нынешних 40 % до порядка 50 % (доля Японии сократится с 24 % до 17 %, а РК останется без изменений на уровне 8 %-9 %). При прямой поддержке Пекина три ведущие

китайские государственные компании (CNPC, Sinopet и CNOOC) сделали в последние годы колоссальные вложения и подписали множество долгосрочных контрактов во всех регионах мира (около двухсот проектов в пятидесяти странах), направленных на экспорт нефти и газа, используя в том числе межправительственные займы, предоставленные китайскими государственными банками.

3. Для более оперативной реализации капиталоемких проектов в сфере энергетики (освоение новых газовых и нефтяных месторождений и строительство газо- и нефтепроводов) страны региона готовы оказать РФ помощь как финансовую (Китай, РК), так и технологическую (Япония, РК). Но на практике всё не так просто. Россия ограничивает участие иностранных компаний в нефте- и газодобыче на своей территории, хотя сама не вкладывает много средств в развитие новых месторождений. При этом часть из них, например гигантское Ковыктинское в Восточной Сибири, не развивается, что тормозит реализацию международных проектов. Как следствие, государства США более активно вкладывают средства в развитие новых месторождений в Центральной Азии, Австралии, Африке.

С точки зрения влияния на ситуацию в США особо следует отметить уже реализованные китайскими компаниями стратегические производственные и инфраструктурные проекты по добыче и доставке в западный Китай крупных объемов нефти из Казахстана и газа из Туркменистана. Для Пекина они были приоритетными, если учесть географическую близость этих регионов. Поставки нефти из Казахстана не стали для Китая альтернативой российской нефти из Сибири, но сыграли свою роль в диверсификации поставок трубопроводной сырой нефти.

Что же касается поставок в Китай крупного объема трубопроводного газа из Туркменистана (40 млрд куб. м в год) с перспективой их наращивания — реализация этого проекта подорвала монопольное положение «Газпрома» на газовом рынке Центральной Азии, позволила Пекину диверсифицировать импорт трубопроводного газа, а также усилить давление на «Газпром» в вопросе цены будущих поставок газа по проекту «Алтай».

Важную роль с точки зрения постепенного снижения цен на сжиженный газ сыграли большие финансовые вложения ГНК стран США в

разработку крупнейших газовых месторождений и строительство заводов по производству сжиженного газа в Австралии, Папуа — Новой Гвинее, Индонезии, Малайзии и др. Необходимость этих и других финансовых вложений объясняется тем, что, согласно прогнозам, уже в 2015 г. Китай планирует импортировать 347 млн т нефти (в 2009 г. было импортировано 203 млн т нефти). Что касается газа, то потребности страны в этом виде топлива в 2020 г. составят порядка 300 млрд куб. м, из которых не менее половины будет импортироваться. Порядка 100 млрд в этом балансе может составить трубопроводный газ (из Центральной Азии – 60, России – 30, Мьянмы – 10), а 50 млрд – сжиженный газ из целого ряда государств, включая Россию. В настоящее время у «Газпрома» достаточно месторождений в Восточной Сибири (даже без ресурсов замороженного Ковыктинского месторождения), чтобы с середины этого десятилетия ежегодно поставлять Китаю 30 млрд. куб. м. трубопроводного газа. Однако трудно решается вопрос с ценой, так как Пекин играет на понижение, не желая платить за российский газ по европейским ценам, привязанным к цене на нефть, а в качестве альтернативы рассматривает возможность увеличить объёмы поставок газа из Средней Азии с 40 до 60 млрд. куб. м. Кроме того, существует вероятность постепенного роста объёмов добычи шельфового газа в Европе и Китае, как это уже произошло в США, что также может влиять на снижение цены на газ. Теперь рассмотрим роль, которую играют в энергетической безопасности США Япония и РК. Япония на 100 % зависима от импорта газа, нефти и угля и для обеспечения зарубежных поставок этих ресурсов достаточно давно использует крупные государственные компании, в первую очередь Japan National Oil Company (JNOC) и the Japan Oil, Gas, and Metals National Corporation (JOGMEC). В последние годы японские компании неоднократно вступали в прямую конкуренцию с китайскими ГНК, и, как правило, уступали последним. Действуя в финансовом плане более агрессивно, китайские ГНК переиграли японцев в приобретении прав на разработку крупного нефтяного месторождения в Иране (Azadegan), а также получили приоритет в использовании нефти по российскому проекту ВСТО. Острота проблем энергетической безопасности региона обусловлена также территориальным спором между Китаем и Японией за острова в Восточно-

Китайском море (Senkaku/Diaoyu islands). Недалеко от этих островов на шельфе ВКМ Китай ведёт разработку небольшого месторождения газа (Chunxiao field), однако, по мнению Токио, этот район входит в эксклюзивную экономическую зону Японии. В результате в этом районе были столкновения между японскими гидрографическими судами и катерами китайских ВМФ, а межгосударственные переговоры о совместной разработке месторождений в этом районе пока ни к чему не привели.

Намного успешнее действия Токио по обеспечению контроля над поставками СПГ (сжиженного природного газа). Японские частные компании Мицубиси, Марубени и Мицуи, по сути, изобрели и внедрили этот бизнес в 70-е гг. и с тех пор являются основными игроками на рынке СПГ по всему АТР, а также в Персидском заливе.

При оценке недавних событий на АЭС «Фукусима» хочется отметить два принципиально важных обстоятельства. Во-первых, японское правительство признало, что ядерная инфраструктура страны не была рассчитана на крупные стихийные бедствия, и заявило о необходимости фундаментального пересмотра стандартов ядерной безопасности, в том числе было принято решение о создании в стране независимого агентства по ядерной энергетике, так как существующие органы не смогли оперативно отреагировать на тяжёлую аварию на АЭС.

Во-вторых, эти события понизили интерес к дальнейшему развитию атомной энергетике как в Японии, так и в ряде других государств мира. Наиболее перспективным источником, способным заменить атомную энергию в Японии, выглядит сжиженный газ, в настоящее время вполне приемлемый по цене. Япония уже обеспечила себе крупные объёмы зарубежных поставок СПГ из различных регионов мира и будет и дальше наращивать его долю в энергетическом балансе.

Энергетические дилеммы РК, которая на 100 % зависима от импорта нефти и газа, схожи с японскими, и, соответственно, подходы корейцев к обеспечению энергетической безопасности напоминают японские. Задача обеспечения импорта нефти и газа возложена на две ведущие государственные компании Korea National Oil Company (KNOC) и Korean Gas Company (KOGAS). Обе компании покупают права на разработку и добычу

нефти и газа по всему миру. При этом корейские государственные компании менее конкурентоспособны в борьбе за иностранные сырьевые ресурсы по сравнению с китайскими государственными компаниями. Во-первых, объёмы их государственного финансирования более ограничены (хотя Сеул аккумулировал специальный правительственный счёт для финансирования подобных энергетических проектов за рубежом – Energy Project Special Account), а во вторых, они должны обеспечить рыночную прибыль от реализации этих проектов, в то время как для китайских компаний главной целью является обеспечение доступа к большему объёму энергетических ресурсов.

KOGAS является крупнейшим импортёром СПГ в мире (в 2009 г. им было приобретено 24 млн т). В настоящее время эта корейская компания имеет 15 долго- и среднесрочных контактов в десяти странах мира (ведущим поставщиком является Катар с объёмом в 7 млн. т в год).

Что касается США, то, как известно, в этой стране нет государственных компаний в нефтяной и газовой сфере. В результате США строят стратегию энергетической безопасности на принципах обеспечения свободного доступа к энергетическим ресурсам (на основе рыночной конкуренции). В этом контексте американское правительство рассматривает энергетическую политику Пекина, субсидируемую государством, как угрозу для свободного доступа к энергоресурсам, что ведёт к политизации процессов обеспечения энергетической безопасности, в том числе в США.

Кроме того, необходимо отметить одну важную тенденцию: с 2006 г. в США начался резкий рост добычи газа за счет бума добычи на сланцевых месторождениях. В результате США сократили импорт газа (и даже начали заниматься реэкспортом), а топливо из Африки, с Ближнего Востока и из Азии было перенаправлено в Европу.

Перейдём к оценке роли России в обеспечении энергетической безопасности США. С 2007 г. две государственные компании («Газпром» и «Роснефть») получили эксклюзивное право на добычу газа и нефти на континентальном шельфе России. В результате этого решения как иностранные, так и российские частные компании потеряли право стать основными участниками этих проектов, и в перспективе их единственной

возможностью участия станет получение приглашения от «Газпрома» или «Роснефти» по совместной разработке шельфовых ресурсов.

РДВ является критически важным регионом для расширения инвестиционной программы «Газпрома». Первые экспортные поставки российского газа с Дальнего Востока начались в 2009 г., когда «Газпром» начал продавать СПГ в Японию и РК в рамках реализации проекта «Сахалин-2». По оценке губернатора Сахалинской области А. Хорошавина, общий объём добычи газа на Сахалине в 2011 г. достигнет 25,5 млрд куб. м (рост на 0,8 млрд куб. м по сравнению с 2010 г.), при этом доля проекта «Сахалин-1» в этом объёме составит 9,1 млрд куб. м, а «Сахалин-2» – 15,4 млрд куб. м.⁴ До конца 2011 г. «Газпром» планирует завершить строительство газопровода от Сахалина через Хабаровск до Владивостока, общая длина которого составит полторы тыс. километров. Следующим шагом «Газпрома» станет строительство в районе Владивостока завода по производству СПГ для экспорта в страны СВА.

В ближайшей перспективе для обеспечения российских и зарубежных потребителей «Газпром» принял решение в качестве основного источника сырья использовать газ, который будет добываться в рамках проекта «Сахалин-3». Последний состоит из четырёх крупных газовых и нефтяных месторождений, совокупные подтверждённые запасы которых составляют 700 млн т нефти и 1.3 трлн куб. м газа. Для сравнения, совокупные запасы нефти и газа с месторождений, входящих в проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2», составляют порядка 450 млн т нефти и 1 трлн куб. м газа. Выбор «Газпромом» проекта «Сахалин-3» в качестве основного направления инвестиционных ресурсов и производственных усилий подчеркивает приоритетность для компании Сахалинских проектов в целом. При этом добыча газа с Ковыктинского месторождения рассматривается только в качестве долговременной цели.

Перспективы крупномасштабных американских и японских инвестиций в развитие РДВ не велики. Особенно слабо используется потенциал сотрудничества между РДВ и США, и, по сути, единственным примером

⁴ GTI E-Newsletter, December 2010.

крупных американских инвестиций в этом регионе является участие американской компании Экссон Мобил в проекте «Сахалин-1». Однако между представителями Экссон и российской стороной возникли противоречия по поводу того, кому должны в первую очередь поставляться добываемые ресурсы. В результате американское бизнес-сообщество настороженно наблюдает за развитием событий в проекте, и новых крупных инициатив в этой сфере не отмечено.

Следует отметить, что Япония сохраняет интерес к проектам добычи и переработки нефти и газа в нашей стране. Так, компания JOGMEC приобрела права на исследование и разработку нефти в Восточной Сибири, а японские компании Мицубиси и Мицуи активно работают в формате проекта «Сахалин-2». Японские компании подписали соглашения с российской стороной, в соответствии с которыми в течение двадцати трёх лет 98 % производимого на Сахалинском заводе СПГ будет поставляться в Японию.

Что касается РК, то она имеет твёрдые планы увеличить импорт нефти и газа из РФ в интересах диверсификации своих источников поставок. С 2010 г. начались поставки в РК восточносибирской нефти через новый нефтепорт Козьмино. Корейская национальная нефтяная компания ведёт разведку на камчатском шельфе, планируя начать добычу нефти в 2012 г.

Демонстрируя действительное желание добиваться поставленных целей, в июне 2009 г. KOGAS создал в Хабаровске компанию KOGAS Vostok. Её главной задачей является поиск деловых партнёров на РДВ (Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха-Якутия) для реализации совместных проектов с компанией KOGAS.

В соответствии с долговременными контрактами, подписанными по состоянию на 2010 г., Россия занимает 6 % газового импорта РК (в 2005 г. KOGAS подписал долговременный контракт на покупку 1,5 млн т СПГ в год, производимого в рамках проекта «Сахалин-2»). Но при благоприятном развитии событий к 2017 г. объём российского газового экспорта в РК может достичь 7,5 млн т. В этом случае Россия станет самым крупным поставщиком газа в Корею, доля которого в общем объёме газового импорта РК может вырасти до 30 %.

Центром роста поставок российского газа в РК станет Владивосток. Существует несколько моделей доставки российского газа из Владивостока к потребителям в РК, в том числе природного газа по трубопроводу (через территорию КНДР или по дну Японского моря) или СПГ судами-газовозами. Но поставки природного газа через территорию КНДР пока невозможны по политическим причинам, а подводный газопровод не оправдан с экономической точки зрения. С учётом этих и других обстоятельств (например, того, что транспортировка СПГ из Владивостока в порты РК займёт менее двух суток), автор считает, что в качестве наиболее перспективной модели следует рассматривать долговременные финансовые и технологические инвестиции РК в строительство нового современного завода по производству СПГ под Владивостоком (хотя конкуренцию в этом проекте РК могут составить другие страны, в том числе Япония).

Тем не менее, следует констатировать, что в силу действия целого ряда геополитических факторов (географии, политики, экономики, демографии и др.) только Китай может рассматриваться в качестве основного в СВА партнёра России в энергетической сфере. Спрос на энергетические ресурсы в КНР растёт очень быстро, и уже в 2010 г. эта страна превзошла США по объёму потреблённой энергии. Таким образом, активное освоение китайского энергетического рынка является ключевым аспектом для реализации энергетической стратегии России.

Российско-китайское сотрудничество базируется на твёрдой межправительственной основе (российско-китайское стратегическое партнерство) и развитых деловых контактах (заключена целая серия двусторонних соглашений между «Газпромом» и «Роснефтью» с российской стороны и такими крупнейшими ГНК, как CNPC, Sinopet и др, с китайской стороны). Однако в этих двусторонних отношениях есть проблемы, так как при покупке российских ресурсов Пекин требует существенной скидки. Москва не может принять такой сценарий, при котором Китай станет монопольным покупателем российских энергетических ресурсов в СВА, хотя эта страна, безусловно, является самым крупным энергетическим рынком сбыта для России.

Согласно договору, подписанному в 2009 г., Китай предоставил кредиты «Роснефти» и «Транснефти» на общую сумму в \$25 млрд, а российские компании обязались поставлять китайской государственной нефтяной компании CNPC по 15 млн т нефти ежегодно в течение двадцати лет. Формула цены на поставляемую в КНР нефть была привязана к рыночным котировкам нефти в порту Козьмино. В неё включался и тариф на прокачку нефти по ВСТО: он установлен правительством РФ в размере 1815 р. за тонну. Но поскольку путь до китайской границы существенно ближе, чем до дальневосточного побережья, китайцы просили сделать им скидку. «Транснефть» отказалась, и тогда CNPC в одностороннем порядке уменьшила суммы, перечисляемые за российскую нефть. Образовался долг в \$250 млн, который российские компании готовы были отстаивать в Лондонском арбитраже. Но Китай всё же начал погашать задолженность, а российская сторона согласилась на некоторые уступки по величине транспортного тарифа.

С газом всё сложнее. Ещё в 2004 г. Россия предложила построить два газопровода в Китай (система Алтай): слева и справа от Монголии. Западный маршрут может быть проложен и пущен в эксплуатацию уже к 2015 г. В «Газпроме» уверены, что сырьевая база для этой трубы мощностью 30млрд куб. м в год в наличии — это месторождения Западной Сибири, на газ которых ранее претендовала только Европа (не считая внутренних потребителей). В 2010 г. стороны согласовали основные положения 30-летнего контракта на поставку российского газа, однако в ходе визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2011 г. из-за разногласий по цене он так и не был подписан. Не ясны пока и некоторые другие вопросы, например, в какой последовательности будут строиться газопроводы. Так, вице-премьер РФ И. Сечин настаивал на том, что западный маршрут должен быть реализован первым. В то же время министр энергетики Китая Лю Тенань полагал, что восточное и западное направление должны развиваться параллельно, то есть китайская сторона выступает за ускоренную реализацию обоих проектов.

Для оценки энергетической безопасности США и будущего вклада России в её решение необходимо проанализировать финансовые

обязательства, взятые на себя российским правительством в последние годы в сфере добычи и экспорта нефти и газа, и попытаться оценить достаточно ли у «Роснефти», «Транснефти» и «Газпрома» технических и других ресурсов для выполнения этой амбициозной долговременной программы. В октябре 2010 г. премьер-министр РФ В. Путин принял участие в работе двух важных совещаний, посвящённых обсуждению планов развития российской нефтяной и газовой индустрии. По поводу Генерального плана развития нефтяной отрасли до 2020 г. он заявил, что в течение следующих десяти лет Россия будет поддерживать ежегодную добычу нефти на её нынешнем уровне порядка 500 млн т⁵. *То есть увеличение добычи перспективным планом не планируется.* Тем не менее, чтобы удержать достигнутый уровень, в течение следующих десяти лет Москве необходимо инвестировать в нефтяную отрасль порядка 8,6 трлн р. (действующие нефтяные месторождения страны выработаны на 50 %, а для новых месторождений в основном характерны технически трудные и дорогостоящие условия добычи).

На другом совещании, посвящённом обсуждению Генерального плана российской газовой отрасли до 2030 г., В. Путин подтвердил, что в обозримом будущем природный газ как основной источник энергии не имеет альтернативы. *С учётом этого в ближайшие 20 лет Россия увеличит годовую добычу газа с 650 млрд куб. м, добытых в 2010 г., до 1 трлн куб. м (примерно половина этого огромного объёма будет экспортироваться).*

Для достижения этой стратегической цели новые районы газодобычи будут освоены на Ямале, в Восточной Сибири и на континентальном шельфе; будут построены более 25 тыс. км новых газопроводов, а компании, производящие СПГ, получают налоговые льготы. Доля частных компаний в производстве газа должна вырасти с нынешних 20 % до 30 %, и это важно, так как государственный гигант «Газпром» является не самым эффективным производителем. Наконец, оценивая перспективы газовой отрасли, следует отметить, что российский природный газ является практически неисчерпаемым источником энергии (общие объёмы газовых ресурсов в стране оцениваются на уровне 165 трлн куб. м).

⁵ В 2010 г. Россия добыла 505 млн. тонн нефти, из которой 242 млн. тонн было экспортировано.

Подведём итоги. Китай в силу быстро растущих объёмов энергопотребления уже является и останется в будущем ключевым фактором, определяющим энергетическую безопасность США. Высокая энергетическая уязвимость Китая обусловлена многими причинами, в том числе критической зависимостью от нефти, импортируемой из стран Ближнего Востока. Поскольку недавние интервенции США дестабилизировали обстановку в этом регионе, можно полагать, что мировые цены на нефть ещё долго будут оставаться высокими.

Россия способна довести ежегодные поставки нефти в Китай к 2020 г. до 30–35 млн т, но её возможности в будущем качественно изменить ситуацию в этой сфере ограничены. В Восточной Сибири не осталось новых крупных месторождений легко доступной нефти, дальнейшее существенное наращивание объёмов нефтедобычи потребует несоразмерно больших финансовых ресурсов и производственных усилий. К 2035 г. мировое потребление газа вырастет более чем на 50 % по сравнению с 2010 г. и составит более 5 трлн куб. м. Через четверть века Китай будет потреблять столько газа, сколько весь Евросоюз в 2010 г. Чтобы удовлетворить этот спрос, мировая добыча газа должна вырасти на 1,8 трлн. куб. м — это в три раза больше, чем добывалось в России в прошлом году.

При этом «плановая» задержка «Газпрома» с освоением гигантского Ковыктинского месторождения снижает возможности увеличения объёмов экспорта российского газа в страны США на многие годы. То есть речь идёт как минимум об упущенной экономической выгоде, а как максимум о возможных проблемах с достижением РФ долговременных целей по экспорту газа. При этом в 2010 г. добыча газа в России составила 649 млрд куб. м, а на 2011 г. она запланирована в объёме 655 млрд. куб м. Надо признать, что это медленный рост. Следует учитывать, что во многих регионах мира за последние годы обнаружены стратегические по объёмам запасы газа, и уже подписаны договоры на поставки колоссальных объёмов СПГ в Китай и другие страны США. То есть конкуренция в этой сфере очень велика.

Характеризуя ключевое для энергетической безопасности США российско-китайское энергетическое партнёрство, следует отметить, что оно опирается на устойчивую межправительственную и деловую основу. При

этом очевидно, что в последние годы для Москвы очень велик соблазн принять предложения Пекина (по развитию двустороннего энергетического сотрудничества). При этом интересно то, что Китай принял и уже играет (не без выгоды для себя) по правилам, предложенным российской НЭП. В первую очередь речь идёт о готовности заключать долговременные контракты с иностранными партнёрами по условиям разработки и добычи российских энергетических ресурсов.

За последние несколько лет Китай либо уже подписал, либо достиг принципиального соглашения с Россией по нефти, углю и газу, используя одну и ту же модель – путём предложения очень крупных финансовых кредитов в качестве гарантии будущих долговременных поставок крупных объёмов энергетических ресурсов. Во-первых, в 2009 г. Китай предоставил «Роснефти» и «Транснефти» кредит на \$25 млрд и получил гарантии поставок российской нефти на 20 лет. Во-вторых, в 2010 г. Китай предоставил России кредит в объёме \$6 млрд в качестве гарантии долговременных поставок угля. Наконец, в финальной стадии находится согласование многомиллиардной сделки между Газпромом и CNPC, на основе которой будут осуществляться поставки российского газа в Китай.

В результате такого положения дел в переговорах с Москвой о ценах на поставляемые российские ресурсы Пекин может занять положение почти монопольного покупателя. Чтобы избежать этого, Москва должна иметь возможность продавать существенную часть энергетических ресурсов в Японию, РК, США и другие страны. В этом контексте опора на многосторонний подход к выстраиванию энергетического сотрудничества в СВА имеет для России очевидные преимущества. Вот почему Россия вошла в число стран-основателей Межправительственного механизма взаимодействия по энергетическому сотрудничеству (Intergovernmental Collaborative Mechanism on Energy Cooperation) в СВА. К сожалению, пока работа этого межправительственного механизма не принесла существенных результатов в силу как его ограниченных ресурсов, так и недостаточного вклада со стороны ряда стран-участниц. Во взаимоотношениях между которыми, прежде всего между Китаем с одной стороны и США и Японией с другой стороны, систематически возникают политические проблемы.

Оценивая возможности двустороннего формата отношений между странами СВА, автор полагает, что в перспективе российско-корейское взаимодействие в энергетической сфере является наиболее многообещающим и необходимым дополнением (но, конечно, не альтернативой) к объективно доминирующему российско-китайскому энергетическому сотрудничеству. Что касается Японии, то у России нет свободных ресурсов для быстрого восполнения дефицита энергии, возникшей в связи с аварией на АЭС «Фукусима-1». В перспективе же доля этой страны в общем балансе потребляемой энергии в СВА будет только падать.

Принимая во внимание, что успешная реализация так называемой «восточной газовой программы» до 2030 г. стала приоритетной геополитической задачей для руководства России, автор полагает, что при благоприятных политических и экономических условиях существенное увеличение объёмов добычи газа на РДВ и в Восточной Сибири и его экспорта в СВА вполне возможно, что станет критически важным вкладом России в обеспечение энергетической безопасности региона.

В то же время надо трезво оценивать возможные риски и ограничения, которые могут замедлить достижение этой стратегической цели. Например:

- резкое падение мировых цен на нефть и газ, что может ограничить возможности правительства РФ финансировать эту программу в целом, и субсидировать её реализацию «Газпромом» и «Роснефтью» в частности;

- недостаточные технические и производственные возможности «Газпрома» по освоению новых газовых месторождений и строительству газотранспортной системы внутри страны и за её пределами в условиях «географического и монопольного перенапряжения» (возникающего из-за реализации в основном собственными силами столь большого числа проектов в различных странах мира и в России);

- предложение иностранными ГНК, быстро осваивающими новые месторождения в других регионах мира (Индонезия, Австралия и др.), более выгодных для стран СВА условий поставки газа, в первую очередь СПГ;

– дальнейшее откладывание подписания официальных соглашений «Газпрома» с CNPC и KOGAS по условиям поставок российского газа.

Длительные задержки поставок российского трубопроводного газа в Китай не позволяют последнему реализовать свою приоритетную цель – увеличение объёмов и доли потребляемого газа в общем энергетическом балансе страны. Это жизненно необходимо Китаю для снижения доли угля, что улучшит экологическую ситуацию в стране и СВА в целом. Неудовлетворённость Пекина сложившейся энергетической ситуацией ведёт к тому, что он будет прилагать усилия для замещения этих объёмов либо за счёт трубопроводного газа из Центральной Азии, либо за счёт СПГ из стран АТР.

Реализация крупномасштабных газовых проектов в восточной части РФ с выходом в страны СВА является колоссальным вызовом для «Газпрома». С учётом европейского опыта, для повышения возможностей реализации этих проектов ему необходимо установить более тесные связи с иностранными ГНК, что позволит объединить производственные возможности, разделить экономическую ответственность и финансовое бремя, задействовать самые новые технологии и т.д. Наиболее перспективными кандидатами для установления тесных партнёрских отношений в СВА автор считает китайскую CNPC и корейскую KOGAS. Перед «Газпромом» стоит грандиозная задача — построить новую газотранспортную систему от якутских газовых месторождений (Чаяндинское и ряд других) до Хабаровска, где она будет соединена с газопроводом Сахалин – Хабаровск – Владивосток, формируя таким образом восточный маршрут системы «Алтай». Расходы на это строительство в миллиардах долларов будут выражаться двузначной цифрой, и ограниченный в собственных финансовых средствах «Газпром» будет вынужден занять эти деньги — либо у Правительства РФ, либо на международном финансовом рынке. В то же время подключение к этому проекту китайских и корейских ГНК в качестве не только потребителей газа, но и прямых финансовых инвесторов могло бы облегчить решение многих проблем его реализации. Подобный подход мог бы стать первым примером

многостороннего сотрудничества в области энергетики СВА, о необходимости которого уже многие годы говорят эксперты.

Еще одна возможность многостороннего сотрудничества в СВА в этой сфере — реализация проекта в рамках всем известного «Тумангана» (сейчас БТИ — «Большая Туманганская Инициатива»). Его суть в том, чтобы построить на китайской территории хранилища стратегических запасов нефти. Ведущими участниками могли бы выступить Китай, Россия и РК. Реализация этого взаимовыгодного проекта могла бы дать новый импульс для развития БТИ, а также повысить экономическую роль России в регионе.

Значимость вышеупомянутых проектов многостороннего сотрудничества очевидна, так как они способствуют росту доверия между странами и служат важнейшей цели укреплять энергетическую безопасность СВА.

А.Е. Кожевников

к. и н., декан факультета китаеведения Восточного института ДВФУ

Проблемы энергетической безопасности в Китае

Быстрое и долгосрочное экономическое развитие Китая ставит перед ним множество разных проблем. К одной из серьёзных, несомненно, относится проблема энергетики и связанная с ней проблема энергетической безопасности. Сегодня по потреблению энергии Китай уступает только США, но структура энергопроизводства в стране остаётся крайне нерациональной. Около 80 % электроэнергии вырабатывается на тепловых электростанциях, работающих на угле и углеводородном топливе, что значительно ухудшает экологическую обстановку. Да и аварийность на китайских угольных шахтах — одна из самых высоких в мире: по статистике, в Китае ежегодно гибнет около 7 000 горняков. Примерно 17 % электроэнергии вырабатывают ГЭС, но их дальнейшее развитие может привести к ещё большему дефициту воды для бытовых и промышленных нужд.

КНР остро нуждается в реформировании энергетической отрасли. С этой целью в 2000-е гг. в Китае проводились организационные и кадровые изменения в органах, занимающихся энергетической политикой. Как отмечают специалисты, в настоящее время реформа ещё не завершена и в стране существует несколько параллельных структур, отвечающих за энергетику. Прежде всего, это Государственное управление по делам энергетики (ГУЭ) и Государственный комитет по делам энергетики (ГКЭ). Прогнозируется, что более-менее стройный механизм управления отраслью сложится после XVIII съезда КПК, проведение которого намечено на осень 2012 г.

По планам китайского руководства, в стране к 2020 г. должны быть осуществлены первые шаги к созданию современной системы энергетики. К 2030 г. Китай должен сформировать современную по мировым меркам систему энергетики, а к 2050 г. КНР должна иметь ведущую в мире систему энергетики.

Ван Аньцзянь, научный сотрудник НИИ минеральных ресурсов Академии геологических наук Китая, на сессии Академии в феврале 2011 г. заявил, что к 2030-2035 гг. Китай должен достигнуть той ступени развития, когда будет наблюдаться нулевой рост в потреблении энергоресурсов. При этом с точки зрения безопасности Китай столкнется с четырьмя крупными угрозами.

1. Уменьшится внутреннее обеспечение, увеличится опора на внешние источники. По прогнозам, к 2030 г. за счёт внешних поставок Китай будет обеспечиваться нефтью на 75 %, природным газом на 40 %, каменным углём на 10 %.

2. Усилится конкурентная борьба за ресурсы. В ближайшие 20 лет Китай столкнется с энергетической конкуренцией не только со стороны развитых стран, но и с Индией и другими быстро развивающимися странами.

3. Монополизированность международных ресурсов усложнит для Китая доступ к внешним энергоресурсам. Это может привести к осложнению политической ситуации в мире.

4. Т.к. развитые страны определяют формирование структуры энергетического рынка, Китай столкнется с высокими ценами на ресурсы на внешних рынках, и ему придётся значительно переплачивать.

К 2030-2035 гг. Китай будет потреблять 4,36 млрд метрических т нефти, в среднем на одного человека будет приходиться 2,98 т. Ко времени, когда прекратится рост потребления энергоресурсов, Китай накопит 7,6 млрд т. Такие запасы, по мнению китайских специалистов, недостаточны для обеспечения энергетической безопасности страны.

Выход они видят в развитии внутреннего рынка и энергосбережении. При этом китайские специалисты считают, что в области производства и потребления энергии в стране существует четыре серьезных проблемы.

- Неэффективная структура. Высокая доля использования угля.
- Запутанная ситуация в ценовой сфере. Это вызвано тем, что цены в угольной отрасли либерализованы, в то время как цены на электроэнергию до сих пор регулируются государством.

- Нерациональное территориальное распределение объектов производства и потребления энергии.
- Недостаток капиталовложений в отрасль и нерациональность их использования.

На прошедшей в марте четвёртой сессии ВСНП одиннадцатого созыва премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао отмечал, что за период одиннадцатой пятилетки (2006-2010 гг.) «были разработаны целевые показатели, установки и меры по снижению выбросов парниковых газов к 2020 г., составлен и принят к исполнению проект комплексной работы по экономии энергоресурсов и уменьшению вредных выбросов. Большие силы вкладывались в развитие экологически чистых энергоресурсов». Ставя задачи на двенадцатую пятилетку (2011-2015 гг.), он же отмечал, что правительству «предстоит основательно продвинуть экономию ресурсов и охрану окружающей среды. В частности активно реагировать на климатические изменения. Усиливать ресурсосбережение и ресурсоуправление, повышать возможности ресурсоснабжения, ужесточать охрану пахотных земель и окружающей среды, форсировать экостроительство и создание системы предупреждения стихийных бедствий наряду с минимизацией их последствий, а тем самым тотально повышать наш потенциал устойчивого развития. Необходимо довести удельный вес неископаемой энергии в использовании первичных энергоносителей до 11,4 %, энергозатраты на единицу ВВП и объём выбросов двуокиси углерода соответственно уменьшить на 16 % и 17 %, суммарные выбросы основных видов загрязняющих веществ снизить на 8-10 %».

Вот некоторые данные по китайской энергетике за 2011 г.

Объём энергопотребления в Китае за март составил 388,8 млрд кВт/ч, что на 13,41 % больше по сравнению с аналогичным месяцем прошлого года. По данным ГУЭ (Государственное управление по делам энергетики), совокупный объём энергопотребления за первый квартал 2011 г. вырос, по сравнению с тем же периодом минувшего года, на 12,72 % и достиг 1091,1 млрд кВт/ч. В частности, рост в аграрном секторе составил 3,16 % (19,5 млрд кВт/ч), в промышленности – 12,31 % (802,5 млрд кВт/ч), в сфере

услуг – 15,51 % (123,6 млрд кВт/ч). Объём потребления электроэнергии населением составил 145,6 млрд кВт/ч при увеличении на 14,08 %.

За первые три месяца 2011 г. в Китае вступили в строй новые генерирующие объекты общей мощностью 13,79 млн кВт: в гидро- и теплоэнергетике – 1,23 млн и 10,01 млн кВт соответственно.

В апреле 2011 г. потребление электроэнергии в Китае составило 376,8 млрд кВт/ч, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 11,2 %. Но по сравнению с предыдущим месяцем (март) потребление уменьшилось на 2,2 %.

По плану, потребление электроэнергии в Китае в 2011 г. должно вырасти на 10-12 %.

Потребление электроэнергии и топлива в Китае в 2011 г. стабильно и быстро растёт. Но такой рост может привести и к возможному дефициту энергии. За первые 4 месяца этого года потребление энергии в Китае выросло на 12,4 % в годовом соотношении. Особенно резкое увеличение было отмечено в металлургической отрасли, где этот показатель составил 14 %, и в производстве стройматериалов — там он вырос на 20 %. Потребление нефтепродуктов также выросло на 9 %. Представитель Госкомитета КНР по развитию и реформе Цзя Душэн в связи с этим заявил: «Учитывая относительно быстрый темп роста производства и приближение сезона наибольшего спроса на энергию, разница между спросом и предложением становится всё более явной. Таким образом, необходимо оптимизировать баланс, увеличив поставки электричества, угля и очищенной нефти на рынок». По его мнению, три фактора стали причинами повышения спроса на энергию. Главный из них – быстрый рост экономики. В первом квартале этого года его темпы удвоились в двадцати восьми провинциях Китая. Другой причиной является неравномерное развитие, уровень и скорость которого в энергопотребляющих отраслях намного выше. Также увеличение спроса на энергоносители было спровоцировано снижением объёмов импорта и погодными условиями.

Другой представитель данного комитета Ли Ян, директор отдела регулирования экономических операций, отмечал: «Сейчас необходимо

обеспечить снабжение энергией жилого сектора, больниц, школ и транспорта. Таким образом, нам придётся ограничить поставки предприятиям отраслей с высоким уровнем энергопотребления».

Однако перераспределение квот – не единственная мера, принимаемая китайскими властями. В летние месяцы – «горячий» период потребления электричества — угольным шахтам придётся работать на полную мощность. Также будет увеличен объём импорта угля, усилен надзор за выполнением контрактов по выработке электричества.

Крупнейшей проблемой энергетики Китая является высокая затратность этой отрасли. Расход энергии на единицу ВВП в Китае в 3 раза выше, чем в среднем в мире.

С целью снижения затрат в одиннадцатой пятилетке впервые в планах социально-экономического развития Китая была поставлена задача по энергосбережению. Вэнь Цзябао в докладе на сессии ВСНП отмечал: «Большие силы вкладывались в развитие экономики замкнутого цикла. За 5 лет удельная энергоемкость ВВП в общей сложности сократилась на 19,1 %, притом уровень химического потребления кислорода и объём выбросов двуокиси серы уменьшились соответственно на 12,45 % и 14,29 %. Затраты энергии на единицу прибавочной стоимости уменьшились с 2,59 стандартных угольных тонн в 2005 г. до 1,92 т в 2010 г. или на 26,0 %. Ежегодно сокращались на 5,8 %. Это позволило сэкономить 750 млн стандартных угольных тонн».

В 2011 г. планируется сократить затраты энергии на единицу продукции на 4 %. По плану двенадцатой пятилетки за 5 лет расход энергии на единицу продукции должен сократиться на 16 %. Ставится задача сократить к 2020 г., по сравнению с 2005 г., выброс двуокиси углерода на единицу ВВП на 40-45 %.

Одной из серьезных проблем для Китая является растущий дефицит нефти в стране.

В 1949 г. в Китае добывалось 120 тыс. т нефти, в 1959 г. — 5 млн 49 тыс. т.

В 2010 г. потребление нефти в Китае составило 449 млн т, что на 12,3 % больше по сравнению с 2009 г. При этом импорт нефти составил 239 млн т

(+17,5 % по сравнению с 2009 г.). Собственная добыча превысила 200 млн т, увеличившись на 6,9 % по сравнению с предыдущим годом. Это самые высокие темпы за последние 18 лет. Дацин по-прежнему дает примерно 40 млн т в год. На шельфе добыто около 50 млн т.

Доля импортной нефти в потреблении составила 52,6 %. Китай стал нетто-импортёром нефти с 1993 г. Он второй потребитель нефти после США.

Китай вслед за США и Японией создал стратегические запасы нефти на 75 дней в четырех резервуарах в провинциях Чжэцзян, Шаньдун и Ляонин.

Что касается газа, то в одиннадцатой пятилетке добыча газа в Китае ежегодно увеличивалась на 13,7 %. По планам на двенадцатую пятилетку, добыча газа в Китае должна расти ежегодно на 13-15 %. А вот рост потребления газа должен ежегодно составлять 25 %.

В 2010 г. В Китае было добыто 94,5 млрд куб. м газа (рост 12,1 % по сравнению с 2009 г.). По планам, в 2011 г. потребление газа должно вырасти со 110 млрд куб. м до 130 млрд куб. м. За год потребление газа увеличится на 20,4 %. Из них около 100 млрд куб. м придётся на собственное производство в Китае. В 2010 г. из угля было получено 3,6 млрд куб. м газа, за год увеличение составило 42,3 %. Доля газа в потребляемой энергии должна вырасти за годы двенадцатой пятилетки с 4 % до 8 %.

Вместе с тем добыча газа на морском шельфе уже вызывает политические трения с рядом соседних стран, например Японией. Это говорит о том, что вопросы энергетической безопасности тесно переплетаются с вопросами политического климата в регионе.

Определённое внимание Китай уделяет т.н. «чистой энергетике». За годы одиннадцатой пятилетки производство электроэнергии на гидроэлектростанциях, атомных станциях, ветровых и солнечных составило 3 трлн квт/ч. Что позволило сэкономить 1,5 млрд т угля, сократить выбросы углекислого газа на 3 млрд т.

К 2020 г. Китай планирует добиться намеченных целей развития атомной энергетики – увеличить совокупную мощность атомных электростанций до 70 млн кВт. Об этом заявил заместитель ответственного секретаря Китайской ассоциации атомной энергетики Сюй Юймин на прошедшем в провинции Шаньдун международном симпозиуме. По его

словам, к настоящему времени в Китае работают 3 АЭС – Даяваньская (провинция Гуандун), Циньшаньская (провинция Чжэцзян) и Тяньваньская (провинция Цзянсу), на которых установлены 13 энергоблоков общей мощностью 10,8 млн кВт.

В настоящее время в восьми восточных приморских провинциях страны строятся АЭС. С 2007 по 2010 г. в Китае ежегодно приступали к строительству семи-восьми новых ядерных энергоблоков, общее количество утвержденных государством атомных энергоблоков достигло тридцати двух; 28 из них строятся, а строительство четырёх энергоблоков начнётся в текущем или следующем году.

Ежегодные капиталовложения в атомную энергетику составят более 70 млрд юаней. К 2015 г. общая мощность китайских АЭС достигнет 40 млн кВт, а к 2020 г. – 70 млн кВт. Доля атомной энергетики в общем объёме производимой электроэнергии в стране превысит 15 %.

Как констатировал Сюй Юймин, построенные в Китае АЭС эксплуатируются успешно, средний множитель нагрузки АЭС составляет 90 %, что является высоким показателем по мировым стандартам. Выбросы с АЭС также находятся на довольно низком уровне – гораздо ниже допустимой нормы, установленной в стране.

Развивает Китай и экологически чистые виды энергетики: быстро растёт солнечная энергетика, мощности ветровой энергетики достигли 41,83 тыс. квт/ч. По утверждению китайских специалистов, Китай занимает первое место в мире по использованию ветровой энергии.

В развитии энергетики Китай готов активно сотрудничать с зарубежными компаниями. И внешний мир должен идти на сотрудничество с Китаем, потому что энергетическая безопасность этой страны не только её проблема, это проблема и для остального мира и прежде всего соседей Китая.

Мишин В.Ю.

заведующий Центром региональной безопасности Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

Энергетическая безопасность Республики Корея

Для Республики Корея, как и для других государств, энергетическая безопасность – это часть региональной безопасности страны. Рост мировых цен на энергоносители оказывает сдерживающее влияние на экономический рост Южной Кореи, а в политическом плане вынуждает страну искать пути диверсификации источников поставок газа и нефти.

Усиление конкурентной борьбы между Китаем и Японией за выход к ресурсам углеводородов в России, Африке, на Ближнем Востоке заставляет Южную Корею также занять нишу в новом глобальном энергетическом переделе. Однако в силу углубляющейся взаимозависимости региональных экономик, по оценкам специалистов, энергетическое противостояние не перерастёт в политический конфликт.

Постоянные колебания военно-политической обстановки на Корейском полуострове, отсутствие реального прогресса в вопросе ядерного разоружения КНДР увеличивают угрозу энергетической безопасности и стимулируют руководство РК к поиску вариантов многосторонней самостраховки на случай резкого обострения энергетической ситуации на полуострове и ответной реакции мировых энергетических рынков.

Учитывая нехватку собственных энергетических возможностей, РК крайне заинтересована в создании комплексной системы энергетической безопасности. Прежде всего это касается гарантий внешних поставок. До недавнего времени практически все азиатские страны активно использовали поставки с Ближнего Востока. Сейчас из-за политической ситуации в этом регионе им придётся искать альтернативу. Здесь приоритетным может оказаться российский канал поставок из Восточной Сибири и Дальнего Востока. В чём же приоритетность российского направления?

Особое положение России в обеспечении международной энергетической безопасности объясняется тем, что она является членом

«восьмерки» и одновременно входит в группу ведущих экспортёров энергоресурсов, декларирующих справедливые цены. Ещё один плюс в том, что России пока удаётся обеспечивать конструктивные отношения как с западными нетто-экспортёрами (США, страны ЕС), так и с восточными, в частности РК.

Что касается проблем, возникших на атомных объектах Японии и реакции на это в РК, то, по заявлению министра инновационной экономики РК Цой Чжун Гюна, Южная Корея намерена и далее развивать атомную энергетику, несмотря на события на японских АЭС. По его словам, в связи с вероятным истощением в будущем запасов ископаемого топлива в Корее, у страны нет альтернативы использованию ядерной энергетики для обеспечения внутренних энергетических потребностей. В дополнение к действующим в РК двадцати одному ядерному реактору к 2021 г. году планируется построить еще 9, после чего предполагается ввести в строй от восьми до десяти ядерных энергетических установок. К 2030 г. степень зависимости Южной Кореи от атомной энергетики с нынешних 31,5 % вырастет до 59 %, что по-новому скажется на энергетической безопасности Корейского полуострова. Кроме того, схему энергетической безопасности Южной Кореи могут кардинально изменить ближайшие тенденции взаимоотношений с Северной Кореей. Особенно остро это может проявиться после предстоящих в РК выборов президента страны. Возможные сценарии таковы:

- в ответ на имеющиеся вызовы и угрозы РК заявит о создании собственного ядерного щита;
- после избрания нового президента страны общими усилиями удастся заявить о безъядерном статусе Корейского полуострова.

Таким образом, дополнительным и немаловажным фактором, влияющим на энергетическую безопасность РК, является политизированность данной проблемы.

Интерес РК к российским энергоресурсам с 90-х гг. проявляется в основном в форме общих концепций, фиксируемых в итоговых документах, и пока получил реальное развитие только в подписании контракта на поставку

сжиженного газа с Сахалина в объёме, соответствующем 7 % спроса РК на этот вид топлива, и участия Корейской национальной нефтяной корпорации в геологоразведке на камчатском шельфе.

Планы правительства Южной Кореи по участию в разработке российских энергоресурсов все ещё не имеют чётких очертаний. Это свидетельствует о несоответствии декларируемых целей реальным возможностям сторон, несовпадении их интересов. Подписываемые на различных уровнях документы в основном имеют форму протокола о намерениях и не подтверждаются в дальнейшем конкретными мерами.

На данном этапе РК рассматривает Россию в основном как катализатор конкуренции на традиционных для неё рынках углеводородов для получения наиболее выгодных условий закупок.

В перспективе РК видит в России источник энергоресурсов, способный ослабить опасную для неё энергетическую зависимость от Ближнего Востока. Для Южной Кореи энергетическое сотрудничество с Россией было бы наиболее оптимальным в многостороннем региональном формате, так как это позволило бы пропорционально распределить финансовую нагрузку на все заинтересованные страны и получить при этом устойчивую квоту российских энергоносителей для каждой из них. Создание единого центра финансирования региональных энергетических проектов, базирующихся на российских ресурсах, позволило бы ускорить их реализацию. Взаимные интересы России и Южной Кореи побуждают обе стороны к сотрудничеству в СВА в сфере энергетики на региональном уровне.

Мозговой И.В.,

аспирант Центра внешней политики и международных отношений Японии
Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

Энергетическая безопасность Японии: проблемы и подходы к их решению

Энергетика – основа любого государства (его экономики, промышленности, жизнедеятельности всех граждан), а также один из определяющих факторов гарантии его целостности и безопасности. Для Японии, которая по состоянию на 2007 г. сама обеспечивала себя энергией лишь на 4 % (без учёта АЭС), проблемы энергетической безопасности стоят особенно остро. Поэтому опыт Японии в области энергетической политики может быть полезным и для нашей страны. В докладе я рассмотрю систему формирования энергетической политики в Японии: основные проблемы и потенциальные способы их полного или частичного решения.

Центром разработки энергетической политики и определения основных принципов энергетической безопасности Японии является Общий аналитический комитет по энергии и природным ресурсам, почти половина из двадцати девяти его членов являются профессорами университетов и институтов. Вот примерный список его задач:

- полный анализ всей информации, поступающей из нижестоящих органов;
- предоставление рекомендаций, предложений и законопроектов министерствам и ведомствам, прямо или косвенно имеющим отношение к энергетической безопасности;
- составление базового плана развития энергетического комплекса, где определяются его основы, описывается текущая ситуация и проблемы, а также указываются цели средне– и долгосрочного периода.

Параллельно с этим комитетом существует Департамент энергетики — исследовательский орган, в основном занимающийся разработкой

альтернативных источников энергии и внедрением их в существующую энергосистему.

Особняком стоит Агентство по ядерной и промышленной безопасности — главный институт по формированию политики в области ядерной энергетики (оно находится практически на одном уровне с вышеупомянутым департаментом).

Также следует отметить, что все три представленных выше государственных органа находятся в ведении Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. Наконец, существует Комитет ядерной безопасности – независимая консультативная организация (однако тесно связанная с министром), которая активно участвует в осуществлении политики по ядерной энергетике.

Упомянутый ранее базовый план развития энергетического комплекса является главным документом, где прописывается соответствующая политика. Современный план был утверждён в октябре 2003 г. и уже успел претерпеть 2 поправки – в 2007 г. и 2010 г. Следует отметить, что в базовом плане выделены 3 главных направления энергетической политики Японии: помимо собственно *энергетической безопасности* это *забота об окружающей среде* и *обеспечение экономической эффективности*. Особое место в данном плане занимает раздел, посвящённый основным целям на 2030 г. В частности, предполагается в 2 раза увеличить самообеспечение Японии электроэнергией (с учётом атомной энергетики — 18 %) и уровень самостоятельного освоения месторождений ископаемого топлива (сейчас около 26 %). Важной задачей считается обеспечить наиболее оптимальный баланс источников энергии (предпочтение отдаётся источникам с наименьшим уровнем выбросов диоксида углерода в атмосферу).

Каковы же основные проблемы и риски обеспечения энергетической безопасности для Японии? Исследовательская группа по вопросам энергетической безопасности, входящая в структуру Министерства экономики и промышленности, выделяет по крайней мере 5 из них.

1. Комплекс проблем, связанных с ситуацией на Ближнем Востоке, от которого Япония энергетически зависит (религиозные противостояния;

напряжённость в отношениях с США и Европой по поводу разработки ядерного оружия; внутренние проблемы, вызванные бедностью, несоблюдением прав человека, диспропорциональным развитием регионов и т. п.).

2. Природные катаклизмы, техногенные катастрофы и террористические атаки на объекты энергетической инфраструктуры; проблема безопасности морских коммуникаций.

3. Усиление контроля других государств над своими ресурсами и ужесточение правил участия иностранного капитала в их освоении, что сокращает внешние инвестиции и в средне- и долгосрочном периоде снижает экспортные возможности таких стран.

4. Риск того, что Китай, Индия и другие азиатские страны с быстро растущим спросом на энергоносители, оказавшись в чрезвычайном положении, начнут массово их скупать. Тогда на рынке может произойти хаос, вызванный высокими ценами на топливо, а последующее нарушение баланса спроса и предложения, равно как и резкий рост цен, только усугубит ситуацию.

5. Хотя в самой Японии сейчас нет особых препятствий для обеспечения энергетической безопасности, либерализация внутреннего рынка может привести к усилению конкуренции между компаниями, и, как следствие, — к сокращению соответствующих инвестиций и снижению способности страны к самообеспечению электроэнергией.

Специалисты по энергетике Японии выделяют 3 основных направления решения этих проблем.

Во-первых, это диверсификация источников поставок сырья и активное участие в борьбе за получение прав на освоение месторождений. Сегодня более 50 % сырой нефти Япония импортирует из стран Персидского залива. Поэтому постепенное снижение их доли в структуре импорта углеводородов может сделать обеспечением энергоресурсами более стабильным. Главным препятствием здесь являются дипломатические проблемы не только с обладателями необходимого сырья (например, с Россией по поводу так называемых Северных территорий), но и со своими стратегическими союзниками. Ярким примером тому служит ситуация вокруг

нефтяного месторождения Аздеган на юго-западе Ирана (предполагаемый объём запасов: 26 млрд баррелей). В 2000 г. Япония начала активные переговоры с иранской стороной о получении права на освоение данного месторождения (этому предшествовали неудачи в аналогичных переговорах с Саудовской Аравией и Кувейтом) и в том же году смогла достичь предварительного соглашения. К 2004 г. японская компания ИНПЕКС, которая занимается освоением месторождений нефти и газа по всему миру, уже на 75 % владела правом добычи нефти в данном районе. Однако уже спустя 2 года её доля сократилась до 10 %, что было вызвано противостоянием Ирана и мирового сообществ и давлением США на японское правительство. Этим воспользовался Китай, став обладателем основного права (70 %) на освоение месторождения. Кроме того, после введения совместных с Евросоюзом санкций во второй половине прошлого года США потребовали от Японии не только принятия аналогичных мер в отношении Ирана (они были законодательно утверждены третьего сентября), но и полного отказа от участия в освоении вышеупомянутого месторождения, пригрозив распространить действие закона о санкциях на ИНПЕКС. Оба требования были удовлетворены. И хотя некоторые японские специалисты говорят о потенциально низком качестве нефти в данном регионе, большинство говорит о том, что в дальнейшем Японии будет очень сложно вести борьбу (при постоянном давлении со стороны Америки) за получение прав на разработку таких месторождений.

Вторым направлением решения проблем энергетической безопасности Японии признано снижение доли ископаемого топлива в структуре производства электроэнергии путём разработки соответствующих альтернативных источников. Это направление сейчас особенно популярно в Японии, оно распространяется и за пределы энергетического сектора (яркий пример – активная разработка и увеличение масштабов производства гибридных и электромобилей). По состоянию на 2008 г. на альтернативные источники пришлось всего 3.1 % от выработанной энергии. Её доля будет постепенно расти и постепенный отход от курса на строительство АЭС внутри Японии станет этому способствовать. Однако специалисты

сомневаются, что в ближайшие 10 лет этот рост будет существенным: скорее, альтернативные источники энергии будут вспомогательными.

Наконец, третье направление решения проблем энергетической безопасности Японии — это увеличение стратегических запасов основных энергоносителей. В настоящее время совокупный объём нефти в двадцати шести резервных хранилищах Японии (из них 10 – государственные, а 16 — частные) составляет порядка 500 млн килолитров. По подсчётам экспертов, этого запаса хватит на 200 дней снабжения. Интересно отметить, что подобные хранилища появились после первого нефтяного кризиса 1973 г. по инициативе японских нефтяных компаний, переводивших в запасы излишки топлива. Государственные появились лишь после второго аналогичного кризиса в 1978 г. Многие эксперты отмечают, что эти (равно как и прочие) запасы минерального сырья могут быть солидным источником дохода: оценочная стоимость 1 барреля нефти в таких стратегических запасах составляет порядка пятидесяти долларов, и под влиянием высокого курса йены она продолжит снижаться. Если учесть, что нынешняя цена нефти на мировом рынке колеблется в районе восьмидесяти четырёх долларов, общая потенциальная прибыль, которую могут принести умелые операции с её куплей-продажей (покупать при высоком и продавать при низком курсе йены), составляет около одиннадцати млрд долларов. Именно поэтому некоторые экономисты рассматривают стратегические запасы топлива как инструмент не только энергетической, но и финансовой безопасности.

В заключении хотелось бы остановиться на инциденте, который уже 3 месяца находится под пристальным вниманием японской и мировой общественности – аварии на АЭС «Фукусима-1» 12 марта 2011 г. Следует отметить следующее: японцы прежде не сталкивались с техногенной катастрофой подобных масштабов, что повлияло на развитие событий. При всей самоотверженности и стремлении как можно быстрее стабилизировать ситуацию вокруг АЭС со стороны политиков и работников компании Токё Дэнрёку (которой принадлежит вышеупомянутая электростанция), ход событий показал, что есть существенные недостатки и упущения в системе управления ядерными объектами в Японии. Рассмотрим их подробно.

1. Отсутствие должной координации действий при управлении в кризисных ситуациях. Это особенно проявилось в первые дни после аварии, когда управляющему персоналу станции приходилось самому принимать решения из-за отсутствия конкретных указаний вышестоящих органов.

2. Недостатки в системе информирования о текущей ситуации вышестоящих органов и общественности. 26 мая Токё Дэнрёку объявило о том, что не проводила временное прекращение подачи воды для охлаждения реакторов вечером 12 марта, хотя ещё несколько недель назад сообщала обратное. Это вызвало бурю негодования не только среди политиков, но и среди простых граждан.

3. Неразбериха при принятии решений о дальнейших действиях на начальном этапе восстановительных работ из-за неполного разграничения полномочий между Агентством по ядерной и промышленной безопасности, Комитетом ядерной безопасности и т. п.

Что касается сценариев развития атомной энергетики в Японии, то в ближайшие несколько лет её доля в общей выработке электроэнергии будет постепенно снижаться (в 2010 г. она составляла около 23 %). Это ставит крест на политике развития данной отрасли и увеличении соответствующей доли как одной из приоритетных задач в энергетической политике. Кроме того, велика вероятность прекращения строительства новых АЭС внутри страны, по крайней мере до тех пор, пока не изменится общественное мнение. В то же время многие специалисты и политики сходятся во мнении, что Япония не будет полностью отказываться от АЭС. По подсчётам Японского исследовательского института энергетики и экономики, постепенное выведение всех АЭС из энергосистемы страны к июню 2012 г. приведёт к тому, что максимально возможная выработка энергии окажется ниже уровня её потребления на 7.8 %. Кроме того, расходы, связанные с увеличением потребления угля, нефти, сжиженного газа и других энергоносителей для компенсации недостающего объёма электроэнергии, составят около 3.5 трлн йен. Для конечных потребителей стоимость электроэнергии возрастет примерно на 1049 йен в месяц. Впрочем, судя по комментариям рядовых граждан Японии, такое повышение будет воспринято терпимо на фоне сильной тревожности по поводу АЭС.

Дискуссия

Кожевников В.В. (к. и. н., зав. Центром внешней политики и международных отношений Японии ИИАЭ ДВО РАН). У меня вопрос к Сергею Витальевичу, и он очень прост. Что Вы понимаете под энергетической безопасностью? Почему я об этом спрашиваю: Вы говорили, что интерес России заключается в обеспечении гарантированного спроса, у партнёров России другой интерес – гарантированные поставки. Кроме того, меня интересует вопрос, как рассматривать энергетическую безопасность с точки зрения внешней политики.

Севастьянов С.В. Действительно, вопросы сложные. Я уже говорил о том, что энергетическая безопасность в СВА – это возможность обеспечения стабильных, долгосрочных, обоснованных по ценам и достаточных по объёмам поставок энергоресурсов, которые станут гарантом роста как всего региона, так и каждой из его стран. Недостаток ресурсов тормозит социально-экономическое развитие региона, формирует у стран чувство энергетической уязвимости, которое вызывает конкурентную борьбу за ресурсы и политическую напряжённость. К этому можно добавить, что интересы поставщика и интересы потребителя не всегда одинаковы, тем не менее должен находиться какой-то консенсус. Когда Путин объявил о новой экономической политике, было много критики: говорилось, что никто не будет подписывать тридцатилетние контракты на поставки энергоресурсов. Но оказалось, что Китай всё же принял эти правила и подписал с нами «длинные» договоры на нефть и уголь. Однако при этом мы попадаем в зависимость от Китая. Энергетическая безопасность также обеспечивается механизмами многостороннего сотрудничества. О многостороннем энергетическом форуме уже много лет идут разговоры, был даже создан межправительственный механизм сотрудничества в области энергетики в СВА, в который не все входят. Однако пока этот механизм не очень активно работает, потому что между Китаем и Японией существуют острые противоречия по поводу островов Дяоютай (Сенкаку). Должен выстраиваться

баланс между политикой и экономикой, каких-то универсальных форм налаживания взаимодействия здесь нет.

Кузнецов В.С. (к.э.н., директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ). Сергей Витальевич, в выступлении Вы коснулись вопросов о нефти, газе, трубах, но ничего не сказали о нефтепереработке, переработке газа, нетрадиционных источниках энергии, новых источниках энергии, которые, вполне вероятно, скоро появятся. Вы сделали это сознательно, ввиду незначительности их влияния на энергетическую безопасность?

Севастьянов С.В. С одной стороны я был ограничен во времени. К моему докладу есть приложение на двух страницах, которое называется так: «Нефтегазохимический комплекс Приморского края на службе региона». В нём указаны 6 проектов, включая газопровод, нефтепорт в Козьмино, нефтехимический комплекс «Роснефти» в Партизанском районе, завод по производству сжиженного газа, завод по производству газохимической промышленности. Иностранные эксперты предлагают инвестиции в российские трубопроводы, однако наша политика этого не допускает. Возможно, эти заводы и станут основой сотрудничества, и в них будет предложена доля иностранному капиталу. Переговоры «Газпрома» и «Роснефти» с японскими и китайскими компаниями уже идут. Та сторона, которая предложит более современные технологии и выгодные условия, и получит потом продукцию. Что касается нетрадиционных источников, то я о них не упоминал, потому что это далёкое будущее: в настоящее время их доля крайне мала.

Ларин В.Л. Меня немного удивляет то, что мы говорим о 2030 или 2050 гг., исходя из современных технологий, как будто технологического прогресса не существует. Это касается не только новых источников энергии, но и новых технологий переработки и добычи. Другая проблема – это консерватизм крупных корпораций, которые не пропускают новые технологии.

Стегний В.А. (член Совета Приморской ассоциации лесозэкспортёров). У меня не вопрос, а комментарий. Россия хочет, чтобы трубы оставались нашими. Правильно это или нет? Если мировое сообщество вкладывает деньги в добычу и переработку топлива, то это как раз обеспечивает стабильность территории.

Севастьянов С.В. На самом деле можно по-разному смотреть на этот вопрос. Возьмём Среднюю Азию (проекты в Туркмении и Казахстане). Там китайцы сделали всё: сами построили, добыли и сами качают. Местные власти только взимают ренту.

Афонин Б.М. (к. и. н., с. н. с. Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН). У меня краткий комментарий по поводу возможных сокращений объёмов выработки атомной энергетики в Японии. Было также сказано, что на атомных электростанциях вырабатывается 14 % электроэнергии в стране. Насколько мне известно, по официальной статистике Кабинета министров Японии, на атомную энергетику приходится около 40 % электроэнергии. Второе: авария в Фукусиме наделала много «шума». В Японии действует 17 атомных электростанций, на которых работает 54 реактора. По этим показателям она занимает третье место в мире после США и Франции. Кроме этого, стоит иметь в виду, что в Японии очень развиты предприятия атомной промышленности, в частности Мицубиси Хэви Индастрис, Тосиба и другие крупные корпорации. Виктор Васильевич уже говорил, что Япония лидирует в регионе по потенциалу мирного атома, и благодаря развитости предприятий ядерной промышленности она активно продвигается на внешние рынки. Более того, с 2003 г. Япония взяла курс на строительство атомных станций в других странах. В самой Японии, безусловно, будут заменены ядерные реакторы, в настоящее время уже действует современные реакторы на «лёгкой воде». Также было сказано, что Агентство по экономической и ядерной безопасности стоит особняком. Такое утверждение ошибочно, так как оно является составной частью одного из ведущих министерств – Министерства экономики, внешней торговли и промышленности, которое занимает ключевое место в иерархии правительства.

Севастьянов С.В. Отличный комментарий, но всё-таки в цифре я соглашусь с вашим молодым коллегой: 13 % – это доля атомной энергетики в энергопотреблении Японии.

Мозговой И.В. Надо учитывать, что цифры могут меняться в зависимости от того, кто проводил исследование, какие методики подсчёта применялись. У меня в докладе, так же как и у Сергея Витальевича, указана цифра 14 %, однако это данные 2007 г. Если же брать 2010 г., то, по японским источникам, доля атомной энергетики в энергопотреблении составляет 23 %.

Белкин В.Г. (д.э.н., директор Школы экономики и менеджмента ДВФУ). В прессе идёт обсуждение событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, и их часто увязывают с переделом мировых энергоресурсов. Многие считают, что искусственная нестабильность будет распространяться и на азиатские страны, которые развиваются наиболее быстро.

Ларин В.Л. Существует также мнение, что сложившаяся ситуация была искусственно создана американцами. Чтобы «насолить» Китаю, отрезав ему доступ к энергетическим источникам и этих регионах и задержать его рост, исходя из сугубо американской политики сдерживания. Однако такие гипотезы нигде и никем не доказаны.

Севастьянов С.В. Вопрос интересный, и его чаще рассматривают с точки зрения некой теории заговора. Наверное, в этом мало логики. Ведь в разных странах все происходило по-разному. Новые правительства, сменившие старые режимы, подтверждают свои обязательства по международным контрактам. Более того, ливийские повстанцы уже подтвердили свои обязательства.

Кузнецов В.С. Тема нашего семинара «Экономическая безопасность АТР и будущее Тихоокеанской России». Мне кажется, вторая часть темы на нашем «круглом столе» не освещена. Большая просьба учитывать это обстоятельство. Вторая часть основного доклада, должна быть посвящена будущему Тихоокеанской России. Мы сегодня обсудили всех:

Китай, Корею, Японию, а наши национальные интересы были представлены, в сущности, интересами «Газпрома» и «Роснефти». Я уверен, что во многих случаях интересы этих компаний полностью противоречат национальным. Энергетическая безопасность Дальнего Востока заключается в высоких тарифах на всё, включая электроэнергию. В центральной части России тариф на неё составляет в среднем 1 р. за кВт/ч. У нас этот показатель достигает 1,69 р. за кВт/ч, коэффициент составляет 1,6. Никакие промышленные производства при таких тарифах на электроэнергию не могут работать. Мы тянем трубы, но на такие проблемы не обращаем внимания, как будто их и не существует. Многие годы американская экономика развивалась благодаря дешёвым энергоресурсам. Даже сегодня бензин в Калифорнии стоит дешевле, чем во Владивостоке. Я плачу за отопление квартиры в центральной части России больше, чем плачу за отопление дома в Калифорнии – это к вопросу о цене газа. Цена которого, кстати, в Америке в последние годы уменьшилась. Проводится очень странная политика в отношении Дальнего Востока. Об этом и надо говорить, так как эти вещи касаются всех, ведь вопрос безопасности в первую очередь касается людей, которые здесь живут. Кроме того, мы рассматриваем в основном инерционный сценарий, как будто в мире ничего не происходит. Например, в центральной части России построили завод по производству солнечных панелей, их сбыт пока затруднителен. Почему же не принять программу по солнечной энергетике здесь? На сегодняшний день стоимость этой электроэнергии сравнилась с тарифами на электроэнергию, получаемую из традиционных источников энергии. Почему бы в России не производить биотопливо? Например рапс, из которого делают дизельное топливо.

Ларин В.Л. Спасибо, Владимир Сергеевич. Мне кажется, это очень точное замечание, к которому я также хочу кое-что добавить. Проблема в том, что Дальний Восток в сфере энергетической безопасности сам по себе почти ничего сделать не в состоянии. Обратите внимание: сегодня на круглом столе отсутствуют представители власти и крупного бизнеса. Почему? Ведь Виктор Васильевич действительно старался их вовлечь. Разве им нечего сказать? Наверняка, есть. Только у них свои интересы. Ведь в Китай, при

дальневосточном тарифе 1,69 р. за кВт/ч, мы продаем электроэнергию за 0,23 копейки. По большому счёту, местные правительства ничего с этим сделать не могут. Мы являемся заложниками игры, управляемой на высоком уровне. Свои интересы имеют федеральное правительство и крупные транснациональные корпорации, свои интересы преследуют и зарубежные партнёры. Здесь можно привести два примера. Первый – это Сахалин: что получил Сахалин от разработки его шельфа? Кто бывает там, тот всё видит собственными глазами. Казалось бы, Южно-Сахалинск должен расцвести, однако реальных изменений нет. Второй проект – строительство НПЗ под Находкой: его хотели построить в таком месте, где этот завод мог, в сущности, разрушить весь город. Так чья же безопасность здесь обеспечивается?

Юй Тяньминь (консул Владивостокского отделения Генерального консульства КНР в г. Хабаровске). Прежде чем задать вопрос, я хотел бы уточнить, что буду говорить не как представитель Генерального консульства Китая, а как гражданин, который интересуется международными делами. Всем известно, что в Москву совершает визит председатель Ху Цзиньтао, который встречается с президентом РФ. Возможно, завтра будет подписан договор по поставкам газа в Китай. Существует два варианта поставок: западная линия и восточная линия. Я хотел бы услышать ваши комментарии о том, у какой из них больше возможностей реализации.

Севастьянов С.В. Могу сказать только то, что для России проще запустить западный проект, т.к. в данном случае есть и деньги для его реализации, есть и месторождения для заполнения трубы. Его к 2015 г. в целом без проблем можно запустить на 30 млрд куб. м в год. Единственная проблема заключается в том, что заполнять трубу придется из месторождений Западной Сибири, а всегда считалось, что этот ареал предназначен для снабжения Европы. По восточному маршруту вопросов гораздо больше (какая доля в нём будет трубопроводного газа, какая часть жидкого газа, какова будет ценовая формула, очень большой ареал месторождений от Восточной Сибири до Сахалина).

Кожевников А.Е. В середине 2000-х гг. у нас было несколько проектов с сибирскими университетами, с которыми обсуждался проект по поставкам газа через Алтай. Все сибирские коллеги утверждали, что он невозможен, так как в данном случае труба будет проходить по национальной территории алтайцев, что могло бы привести к конфликтам. В данном случае остаётся два варианта – Монголия и Казахстан, а это уже трёхсторонние соглашения. В связи с этим западный вариант не так уж прост в исполнении.

Севастьянов С.В. Я знаю ситуацию с алтайским заповедником, однако я уверен, что трубу всё же пустят через него, так как другого выхода просто нет.

Калачинский А.В. (к. ф. н., зам. первого проректора ВГУЭС по связям с общественностью, информации и рекламе). Я хотел бы поддержать Виктора Лаврентьевича и Владимира Сергеевича в том, что среди нас нет людей, которые могли бы дать развёрнутую информацию по ситуации и перспективам энергетики в Приморском крае и на Дальнем Востоке. По этому поводу я хочу привести ряд примеров того, что реально происходит в нашем регионе. Вы, вероятно, знаете, что одна из задач реконструкции Владивостока к саммиту АТЭС заключается в переводе отопления и работы ТЭЦ-2 на газ. Главный вопрос здесь такой: увеличится ли цена на отопление? Насколько я знаю, увеличится. Следующий вопрос связан с тем, что будет с работниками угольных разрезов, которые поставляют сырьё для приморских ТЭЦ. Ещё один вопрос имеет отношение к стоимости электроэнергии в Приморском крае. Для тех, у кого стоит однотарифный счётчик, цена киловатта составляет 1,62 р. Если же вы поставите двухтарифный счётчик, который будет учитывать отдельно дневное и ночное потребление, вы столкнётесь с тем, что стоимость электроэнергии в дневное время увеличится до 1,7 р., что делает совершенно невыгодным переход на двойной тариф.

Ларин В.Л. Попытаемся подвести черту под нашей беседой. Во-первых, проблема энергетической безопасности одновременно и простая и сложная. Вернемся к тому, с чего начал Сергей Витальевич: трактовок этой проблемы очень много, все на неё смотрят по-разному и под разными углами

зрения. Один взгляд у российского правительства, другие – у китайского, японского, корейского и т.д. У каждой страны свои национальные интересы. Наша дискуссия показала, что не существует общего представления об энергетической безопасности в Восточной или Северо-Восточной Азии. Получился анализ энергетической ситуации, политики и стратегии каждого из государств региона, чем занимаются специалисты в области энергетики.

Во-вторых, у нас не получилось сделать прогнозы с акцентом на будущее Тихоокеанской России. Как будет влиять политика Китая, Японии или даже Москвы на наш регион? На этот вопрос мы сейчас не готовы ответить. В изучении энергетической безопасности превалирует подход сегодняшнего дня: есть текущая ресурсная база, текущая политика и т.д. Возникает вопрос, возможно ли создать общую концепцию энергетической безопасности в АТР. Мне кажется, что невозможно. С одной стороны, в регионе слишком высокий уровень конкуренции, в том числе конкуренции за ресурсы. И очень большой соблазн у продавцов ресурсов спекулировать на них. Ведь именно к России стал применяться термин «ресурсный национализм» — из-за её политики в регионе. Не менее важна в теме энергетической безопасности борьба за экологию: где она реальная, а где нет. Вспомним, какая война шла вокруг маршрута ВСТО. Какие шансы и угрозы сулит энергетика Тихоокеанской России? Мне кажется, шансы у нас малопривлекательные. Что такое Тихоокеанская Россия в этом «коктейле»? В некотором смысле — производитель, но опять же производством энергоносителей занимаются крупные корпорации, которые решают свои собственные задачи. Также мы являемся транзитной зоной. Интересы территорий никем не учитываются. Можно сделать вывод, что тема требует более серьёзного изучения в ракурсе энергетической безопасности в системе международной безопасности в АТР. Несмотря на раскрученность темы, она слишком популистская.

Мишин В.Ю. Хотелось бы закончить обсуждение на положительной ноте. В силу объективных обстоятельств мы не смогли глубоко проникнуть в суть обсуждаемой проблемы. Нам не удалось пригласить специалистов по данной проблеме из Совбеза и структур

федерального правительства. Тем не менее наш «круглый стол» оказался очень полезным и интересным. По крайней мере, судя по тому, что данную тему поднял один из академических институтов края.

Герасименко А.П. (к. и. н., зав. **Отделом информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН**). В Европе, США и других развитых странах в этих процессах важную роль играет гражданское общество, особенно по вопросам влияния текущих проблем на жизнь населения. Этот элемент должен присутствовать в дискуссии, так как это некоторого рода рычаг давления на крупные корпорации. Проблемы развития гражданского общества также могли бы присутствовать в теме энергетической безопасности.

Ларин В.Л. Фонд Горбачёва недавно предложил провести во Владивостоке «круглый стол» по проблеме российского федерализма. Эта тема в меньшей степени связана с гражданским обществом, однако она позволяет рассмотреть проблему взаимоотношений Центра с регионами.

Белкин В.Г. Обсуждение этих проблем показывает реальное состояние аналитики и исследований по данной проблеме в крае и во Владивостоке. Проблема энергетической безопасности комплексна. Ей занимаются и экономисты, и политологи, и социологи, и другие учёные. Однако отдельной структуры, которая бы занималась комплексно такими проблемами нет. Ее создание возможно, прежде всего силами ДВО РАН и ДВФУ, однако всё упирается в бюрократичность системы. Все мы сегодня работаем с информацией, которая называется «суррогат». Я смотрю позитивно на нашу работу, так как в последнее время ДВФУ начинает активно взаимодействовать с ДВО РАН, налаживаются контакты с бизнесом и властью. Соответственно, появляется возможность проведения комплексных исследований.

Ларин В.Л. Уважаемые коллеги, спасибо за выступления и дискуссию.